

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).045

ШВЕДСКОЕ ПРИСУТВИЕ В НОВГОРОДЕ: СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОПРОИЗВОДСТВО ВРЕМЕН ЯКОБА ДЕЛАГАРДИ

Е.М. КОНЧАКОВА*Липецкий государственный
педагогический университет**e-mail: kowkaforever@yandex.ru*

Исследование посвящено судебной системе в Великом Новгороде в период шведского присутствия начала XVII в. Опираясь на документы Новгородского Оккупационного архива, автор рассматривает вопросы, касающиеся национального состава Приказной избы, организации судопроизводства, эффективности судебной системы и отношения к ней новгородцев. Данные о функционировании судебной системы в Великом Новгороде позволяют приблизиться к решению главной проблемы – соответствует ли режим, созданный шведами общепринятому понятию «оккупация».

Ключевые слова: судебная система, Смутное время, Якоб Делагарди, Великий Новгород, Новгородский Оккупационный архив.

В начале XVII в. в России сложилась нестабильная политическая обстановка, поставившая под вопрос ее государственное единство и суверенитет, которую принято именовать Смутой. Данный период связан с состоянием глубочайшего кризиса, который характеризуется экономическими проблемами и тяжелейшим голодом, народными выступлениями, пресечением династии Рюриковичей, частой сменой правителей и интервенцией¹. И.О. Тюменцев называет ее не иначе, как «первой гражданской войной»², которая затронула всю страну. Нас же интересует ситуация в Великом Новгороде.

В феврале 1609 г. в Выборге был заключен договор между Россией и Швецией³, по которому шведские войска должны были поддержать царя Василия Шуйского (1606-1610) в его борьбе с внутренними и внешними врагами, и за это русский царь обещал шведскому королю Карлу IX (1604-1611) обеспечить содержание войск на русской территории и передачу им Корельского уезда⁴. В марте 1609 г. шведские войска под командованием 26-летнего генерал-лейтенанта, впоследствии фельдмаршала, графа Якоба

¹ Скрышников Р.Г. На страже московских рубежей. М., 1986. С. 81; Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «бунташного века». Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991. С. 30; Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 54-84; Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / Я.Н. Рабинович; под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2013. С. 3.

² Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 8.

³ Полномочная запись послов шведского короля Карла IX со стольником и воеводой Семеном Головиным и дьяком Сыдавным Зиновьевым, о дружественном союзе Швеции с Россией и вспомогательном войске. 28.02.1609 // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841. С. 184-190.

⁴ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 154.

Делагарди (1583-1652) вступили в Россию, чтобы соединиться с русским войском под командованием М. В. Скопина-Шуйского (1586-1610) и вместе выступить против поляков⁵, однако после смерти Скопина-Шуйского, ряда поражений и нарушений договора русской стороной шведы повернули на север и заняли Корелу, обещанную им по договору⁶. Ввиду серьезных потерь и невыплаты обещанного жалования, Делагарди посчитал себя вправе занять Новгород, полагая свои действия законными⁷. После недолгой осады в июле 1611 г. и заключения договора от имени «шведского короля и Новгородского государства»⁸ Новгород стал полуавтономной областью под властью шведов, хотя в состав шведского королевства не был включен и продолжал оставаться в составе Российского государства; в этом качестве он пребывал с 1611 по 1617 г.⁹ Управление городом перешло в руки шведской администрации, главой которой в 1611-1615 гг. был Делагарди¹⁰. В отечественной историографии этот период обычно именуется временем «шведской оккупации»¹¹, и лишь с недавнего времени отношение к нему российских историков стало изменяться¹².

Согласно общепринятым представлениям, понятие «оккупация» предполагает жесткий контроль со стороны завоевателей, привнесение ими своих порядков, ломку местных управленческих структур и т.д., поэтому проблему правомочности использования этого определения применительно к шведскому присутствию в Новгороде следует внимательно исследовать со всех сторон созданного ими административного режима. Благо их пребывание в Великом Новгороде повлекло за собой некоторые изменения в общественной жизни и, главным образом, в налоговой, таможенной, судебной сферах. В настоящей работе затронут круг проблем, касающихся функционирования судебной системы Новгорода периода шведского присутствия - национального состава Приказной избы, организации судопроизводства, эффективности судебной системы и отношения к ней новгородцев, - что, как представляется, способствует объективному восприятию режима правления шведов в Новгороде. К тому же этот аспект истории новгородской Смуты исследован недостаточно полно¹³.

Основу источниковой базы представляет Новгородский оккупационный архив (далее – НОА)¹⁴ - документы Новгородской Приказной избы начала XVII в., ныне хранящиеся в Шведском Государственном архиве, который до последнего времени мало использовался историками¹⁵. Недавно группа шведских славистов во главе с Э. Лёфstrand при содействии ряда российских ученых подготовила и опубликовала полную опись со-

⁵ Скрышников Р.Г. Указ. соч. С. 83.

⁶ Рабинович Я.Н. Указ. соч. С. 85-106.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 41-42.

⁹ Turilov A. Introduction // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611-1617. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2005. С. 13-26.

¹⁰ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 43.

¹¹ См. например: Фигаровский В.А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. 3-4. Новгород, 1938. С. 58-85; Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

¹² См. например: Коваленко Г. М. Великий Новгород 1611-1617. Между Москвой и Стокгольмом (по материалам архивов Швеции) // Наукові записки Інститута українськоархеологічного джерелознавства НАН України. Т. 19. Киев, 2009. С. 170-187; Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

¹³ Во второй половине XX в. этой темой занимался шведский славист А. Шёберг (1926-1990), который ввел в научный оборот книги судебных пошлин новгородской судной избы (Sjoberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611 - 1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics Issue. Vol. XXXI - XXXII. Stockholm, 1985. P. 399-404), однако в его работе основной акцент сделан на лингвистической значимости источника. Ряд работ посвятила этой проблеме Н.Б. Безус, которая выявляет поэтапные изменения новгородской судебной системы, рассматривает характер судебных пошлин и становление судопроизводства (Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII века // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-западный регион. Великий Новгород, 2006. С. 93-98; Безус Н. Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI-XVII вв.) // История государства и права. М., 2010. № 5. С. 34-37; Безус Н.Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник. Государство и право. 2011. № 14. С. 43-52; Безус Н.Б. История исполнительного производства на примере материалов берестяных грамот Новгорода XI - XVI веков // Практика исполнительного производства. 2011. №5. С. 16-21). Следует отметить также статью Д.А. Рыбакова, посвященную двум судебным прецедентам (Рыбаков Д. А. Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: коррупция и государственный аппарат в Новгороде XVII века // НИС Вып. 12 (22). М., СПб., 2011. С. 169-182).

¹⁴ Occupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

¹⁵ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 216-231.

хранившихся документов НОА в двух томах¹⁶, что сделало удобной его научную обработку. Большинство документов НОА относится к 1611–1617 гг. и образует два комплекса: 1) книги (налоговые, таможенные, сбора судебных пошлин и т.д.) 1611–1615 гг. и 2) свитки с записями купчих, служилых кабал, отпускных, судебных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей и т.д. Кажется примечательным то, что в 1615 г. ведение регистрационных книг из комплекса № 1 прекращается, что, вероятно, было связано с отъездом Делагарди из Новгорода и переходом должности наместника к Эверту Горну, который придавал меньше значения делопроизводству.

Книги сбора судебных пошлин показывают, что в начале XVII в. сбор пошлин производился в соответствии с общерусским законодательством¹⁷, а, значит, шведы не пытались использовать судопроизводство в фискальных целях. Н.Б. Безус указывает, что некоторые пошлины восходят к XII в. и являются «древненовгородскими»¹⁸. Этот факт исследовательница связывает с особым характером судебной системы, установившейся в Новгороде в начале XVII в. Главной судебной инстанцией по-прежнему была Приказная изба в составе одного или двух судей, судебных дел старосты и целовальника; встречаются, однако, упоминания о передаче дела в вышестоящую инстанцию – судный разряд, что, вероятно, было связано с преступлениями против чести и достоинства служилых людей, а также тяжкими уголовными преступлениями или большой суммой иска¹⁹. Пример тому дает следующая запись в Книге судебных пошлин: «Октября в 18 день искал по челобитной митрополич сын боярский Хрипун Жоглов на Никитена Калитине, да на Ондрее на Неелове дворового наезду и грабежного живота на триста на четыре рублев и на восемь денег. Поклонного взято 2 алтына, а судебное дело взято в разряд к боярам»²⁰. Н.Б. Безус отмечает, что компетенция разряда (воеводского суда) по подобным делам существовала с конца XVI в.²¹, и, следовательно, шведы и здесь не изменили существовавшего порядка.

В дополнении следует заметить, что среди фамилий судей (Н. Оничков, С. Якушкин, В. Аврамов, В. Трусов) нет ни одной шведской. Чаще всех упоминается судья Василий Иванович Трусов: «Книги засудные и пошлинные 7123 году что судил судья Василий Иванович Трусов да с ним староста Данила Исаков сын Старорушанин да целовальник Томила Молодожник и что с тех судебных списков взято пошлин»²². Из данного отрывка видно, что реальные должностные лица от судьи до более низших чинов занимали русские служилые люди. Показательно также одно, на мой взгляд, важное преобразование, связанное с тем, что шведская администрация открыла двери приказных изб для провинциалов и местных жителей. Возможно, подобный ход помог шведам, в какой-то мере, заручиться поддержкой новгородцев. Среди имен в судебных документах также можно встретить дьяков Семена Лутохина, Андрея Лысцова судей Василия Аврамова, Михайло Оничкова, Андрея Ногина, старост Гаврилы Вязмятина, Андрея Данилова, Ивана Пепельникова, целовальников Харитона Тимовника, Григория Филиппова и т.д. Присутствие в кругу судебных чинов большого количества русских людей подтверждает наблюдение А.А. Селина по поводу доверительных отношений шведов и новгородцев²³.

На полях книг, как правило, по нижнему краю шла скрепа целовальника и старосты, имена которых раз от раза менялись, скрепа судьи ставилась на правом краю каждого листа. Важным фактом является то, что все дела шли под запись, скреплялись подписями и печатями, а особо важные дела скреплялись печатью Якоба Делагарди и печатью

¹⁶ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2005; Series II. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2009.

¹⁷ Безус Н.Б. находит аналогии названных в документах НОА пошлин в Судебнике 1550 г. и не обнаруживает никаких новых шведских взиманий (Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России. С. 34).

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ RA, NOA. Series I: 122. P. 12.

²¹ Безус Н.Б. Указ соч. С. 49.

²² RA, NOA. Series I: 4. P. 3.

²³ Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 587–591.

Великого Новгорода, например, дело о незаконной торговле с Псковом²⁴, разбирательство, по поводу которого началось в январе 1613 г. Документ начинается со ссылки на письмо князя Бельского и Степана Тимашова на имя Якова Делагарди и князя И. Н. Большого-Одоевского, в котором содержится жалоба на незаконную торговлю старорусов и порховцев с псковичами. Реакцией на нее явился сбор информации по постановлению новгородской инстанции для подтверждения жалобы, причем в указанные места отправляют самих истцов, которым предписывалось произвести сыск среди местного населения²⁵. Необходимо было опросить старост, целовальников, волостных людей, выявить причастных к делу и взять и доставить их на допрос к воеводе. Представляется очевидным, то в данном случае обращение к суду воеводы было вызвано сложностью дела – его «межгосударственным» характером, т.к. Новгород и Псков «ныне не соединены»²⁶ и находятся в состоянии конфликта²⁷. Все показания и обыски были подшиты к делу. Сыскные списки были представлены новгородскому воеводе, который проверил их тщательность. Несмотря на расхождение некоторых показаний, свидетели (сельские священники) наказания не понесли. К тюремному заключению был лишь приговорен крестьянин, который сказал, что торговать с псковичами ему велел князь Иван Мещерский воевода Порхова. В дальнейшем этот факт уже послужил причиной нового разбирательства – в отношении самого Ивана Мещерского²⁸.

Судебная тяжба отражается в книгах сбора судной пошлины следующим образом: фиксируется дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы, было ли завершено дело и сумма взысканной пошлины и штрафа. Так, например, в одной книге мы читаем: «Августа в 4 день искала по челобитной вдова Степанида ивановская жена Черкасова на псадцком человеке на сахарки и на хлебники по договору беглой девки своей <...> шести рублей взято»²⁹. Однако были и такие записи, которые свидетельствовали об освобождении (или частичном освобождении) от пошлины или штрафа. Так, например, приведем документ 1615 г.³⁰: «...выслушав подьячего Константина Петрова челобитья приговорили на нем Константине те деньги тридцать рублей взять в государеву казну за хлеб, а пени двадцать рублей денег правили на него и на то наказал, а против тех денег тридцати рублей ему Константину чинить невелеть. Потому бил челом государю Константин сказал велено на него Константине за его вину доправить на государя денег пятьдесят рублей и ему де Константину для его бедности по переводу здавали в те деньги добрые люди а иное де он Константин животишко свой на бесценок перепродал выплатил тридцать рублей и государь его Константина пожаловал и тех достальных двадцать рублей денег править на него невелит...». Данный документ свидетельствует о том, что из-за бедности виновного штраф с него был взят не в полном размере. В документе четко прописана причина и решение судебной инстанции. Никаких сведений об альтернативном наказании обнаружить не пришлось, вопреки тому, что по Судебнику 1550 г. невыплаты могли замениться телесными наказаниями³¹.

Следственных дел было немного, вероятно, документация по части мелких гражданских и уголовных дел была утеряна. А.А. Селин предложил разбить все дела на группы³². Особую группу составляют дела о государственных преступлениях – изменах, произнесении непристойных речей, связях с политическим противником и т.д. Наиболее ярким пример является указанное выше дело о контрабандной торговле крестьян Старорусского уезда с Псковом. Еще одним важным делом является дело об отъезде новгородцев –

²⁴ Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами, 1613.13.01 – 1615, январь // RA, NOA. Series II: 20. P. 1-17.

²⁵ Там же. P. 5.

²⁶ Там же. P. 9.

²⁷ Псковичи присягнули Лжедмитрию II и даже планировали напасть на Новгород в 1609 г., который не подчинился Самозванцу (Лист псковского наместника князя Засекина и пскович Дерптескому державцу Бормовскому, июнь 1609 // АИ. Т. 2. С. 279-281).

²⁸ Безус Н.Б. Указ. соч. С. 50.

²⁹ RA, NOA. Series I: 5. P. 7.

³⁰ Приговор о взыскании 30 рублей с подьячего Константина Петрова. 1615. 7. 03 // RA, NOA. Series II: 331.

³¹ Судебник 1550 г., статья 55 // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 234.

³² Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 73-75.

Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных, а также князя Юрия Мещерского³³. В документах представлены допросные речи, собранные путем расспросов домочадцев уехавших. Требовалось опросить всех домашних обвиняемых (жен, детей, слуг и т.д.) и выяснить обстоятельства побега. При этом у допрашиваемого выясняли, являлся ли он очевидцем побега, знал ли о его мотивах, был ли сопричастен и т.д. Особо тщательно выяснялось все, что касалось собственности обвиняемых – был проведен подсчет имущества, выявлено то, что было вывезено или распродано. Имущество беглецов было опечатано, однако сведений о том, что их домашние как-то при этом пострадали, нет. Было только конфисковано имущество в качестве наказания, до полного решения дела и вынесения приговора. К этой же группе относятся дела, связанные с взаимоотношениями новгородцев с изменниками, а также с «непристойными речами», сказанными в запальчивости. К этой же группе примыкают дела военно-политические – допросы новгородцев, обладающих информацией о действиях противостоящих Новгороду военных сторон, в первую очередь, москвичей³⁴. В допросах принимал участие Якоб Делгарди.

Следующие дела относятся к чисто уголовным. Присутствует дело об ограблении новгородской церкви Козьмы и Демьяна, – было заведено в апреле 1615 г.³⁵. Два дела связаны с «воровством», а точнее – с преступным поведением новгородцев – посадского человека Дениса Сапожника и девки Дуньки, дочери старосты дворцового села Тесова Титка Романова³⁶.

Особую группу составляют дела о расхищении и/или присвоении денежной и хлебной казны и иных злоупотреблений властью должностными лицами. Таких дел выявлено всего четыре: дело о злоупотреблении приказчика Ивана Порецкого и крестьян Тесовской волости при учете государева хлеба³⁷, дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей³⁸, допросные речи Григория Оболянинова и Михаила Неелова о сборе изменничьего хлеба в округе Зарецкого острога Дмитрием Тырковым³⁹, отрывок из следственного дела по поводу сбора хлебных и денежных кормов в Зарецкий острожек из Дремяцкого погоста⁴⁰.

Последняя группа – дела по известным челобитным новгородских служилых людей друг на друга. Самое известное из них – следственное дело по тяжбе между дьяками Иваном Тимофеевым и Пятым Григорьевым⁴¹. К нему было присоединено дело о двух образах, оставшихся после убийства М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова⁴². В судебной практике Новгорода того времени это дело стоит особняком, так как касается взаимоотношений в высшем руководстве города. К этой же группе относится судебный спор двух новгородских подьячих, Третьяка Башмакова и Константина Петрова сына Лазарева в марте 1615 г., в ходе которого выяснилось, что последний, будучи справедливо обвиненным в присвоении государевой ржи, был ограблен на Ивангородской дороге по пути с места службы в Новгород новгородскими детьми боярскими, отъехавшими из Новгорода, но вернувшимися в район своих бывших поместий⁴³. Изучение документов НОА дает право говорить, что среди судебных дел времен шведского присут-

³³ Дело об отъезде из Новгорода Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных и кн. Юрия Мещерского. 1613. 11. 07 // RA, NOA, Series II: 245.

³⁴ Распроные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пекове. 1616. 30. 09 // RA, NOA, Series II: 39.

³⁵ Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. 1615, апрель // RA, NOA, Series II: 31.

³⁶ □ Дело о воровстве Дениса Сапожника. 1612. 24. 07 – 1612. 26. 07 // RA, NOA, Series II: 177.

³⁷ Дело о злоупотреблении приказчика Ивана Порецкого и крестьян Тесовской волости при учете государева хлеба. 1613 октября 25 – 1614 марта 21 // RA, NOA, Series II: 78.

³⁸ Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, октябрь // RA, NOA, Series II: 122.

³⁹ Допросные речи Григория Оболянинова и Михаила Неелова о сборе изменничьего хлеба в округе Зарецкого острога Дмитрием Тырковым // RA, NOA, Series II: 249.

⁴⁰ Отрывок из следственного дела по поводу сбора хлебных и денежных кормов в Зарецкий острожек из Дремяцкого погоста. 1615 // RA, NOA, Series II: 250.

⁴¹ Дело по известной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA, Series II: 55.

⁴² Дело о двух образах, оставшихся после убийства М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова. 1611, апрель. // RA, NOA, Series II: 202.

⁴³ Дело по известной челобитной Поместного приказа подьячего Третьяка Башмакова на подьячего Константина Петрова. 1615. 3. 01 – март // RA, NOA, Series II: 247.

ствия преобладали гражданские дела новгородцев и жителей Новгородской земли, главным образом, бытового характера, тогда как акций сопротивления шведским властям вообще не обнаружено. В тяжбах новгородцев просматривается их желание противостоять «беспорядку» вне зависимости от того, кто являлся его причиной – русский человек или швед.

Из документов НОА следует, что челобитные подавались на имя шведского короля Густава Адольфа или Карла Филиппа, но чаще всего на имена высших должностных лиц новгородской администрации – Я. Делагарди (позже Эверта Горна), И.Н. Большого-Одоевского, шведских воевод и новгородских старост. Высокопоставленные лица лично судебными тяжбами не занимались, но передоверяли их дьякам и подьячим Приказной избы; никаких новых должностей, введенных шведами в соответствие со шведским судопроизводством, в документах НОА не упоминается. Однако не все дела имели в основе своей прецедент. Так, например, согласно общерусскому праву, зафиксированному Судебником 1550 г., в случаях некомпетентности местных судебных чинов, дело отсылалось на рассмотрение великому князю (царю)⁴⁴. В этой связи интересен следующий документ 1616 г.: «Воеводы Сванте Густав Банер да Ганц Мартынович Бое выслушав стадново конюха Радейка Семенова и князя Микифора Мещерского и Григорья Негановского челобитных велели перед собой поставить Семена Лутохина, Ивана Шваля, Кирилову жену Молодожника Катерину»⁴⁵. Данный документ показывает, как обстояли дела с принятием решений в случае отсутствия прецедента или документальных указаний. Ввиду того, что Семен Лутохин (а это был один из самых грамотных дьяков) был отстранен от должности, шведские воеводы распорядились поискать в Судебнике соответствующее указание, а когда такого не нашлось, произвели опрос уважаемых новгородцев и всего новгородского населения о том, как следует поступать в подобных случаях. Можно сказать, что шведская администрация обратилась к традициям вечевого Новгорода, которые предписывали принятие коллегиальных решения, что, как представляется, положительно влияло на отношение новгородцев к деятельности шведской администрации.

О том, как новгородцы относились к судебной системе, существовавшей в их городе, в отсутствие прямых документальных подтверждений сказать сложно. Вместе с тем отсутствие упоминаний об их противоправных действиях в отношении судебных чинов позволяет предположить, что оно было уважительным, как это было в республиканском Новгороде⁴⁶. Судейские выступали гарантами общественного порядка, который для новгородцев продолжал сохранять свое значение. Об этом может свидетельствовать документ 1612 г., касающийся преступных дел некоего Дениса Сапожника. Новгородцев возмутило то, что «в той Нутной улицы у Дениски Сапожника воровские жонки живут ли, и блядню во дворе держат ли, и немецкие и русские люди приходят ли для них жонак воровства к нему во двор и вам уличаном те жонки и прихожие люди продажею и поклепом и повметом и всякими угрозы угрожают ли»⁴⁷. Примечательно то, что в документе нет упоминаний о попытках самоуправства возмущенных соседей, которые предпочли действовать в рамках закона, что свидетельствует об их доверии к судебным органам. Из этого же документа следует, что допросы по делу производил не представитель шведской администрации, а церковный староста Яков Квасник, который действовал привычным для новгородцев способом.

Доказывать обоснованность обвинения путем разбирательства предполагалось во всех случаях – и незначительных, отраженных во множестве гражданских исков⁴⁸, и серьезных, подобных делу об ограблении церкви Святых Козьмы и Демьяна на Софийской стороне,

⁴⁴ Судебник 1550 г., статья 7. С. 220-221. Царь не только принимал по нему решение, но и давал распоряжение использовать его в качестве дополнения в Судебнике (Там же. Статья 98. С. 249-250).

⁴⁵ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 – 11. 10 // RA, NOA Series II: 165. Л. 5.

⁴⁶ Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 331-333.

⁴⁷ Дело о воровстве Дениса Сапожника. 1612. 24. 07 – 1612. 26. 07 // RA, NOA. Series II: 177. Л. 3.

⁴⁸ См., например: Дело по челобитной подьячего Судных дел Дмитрия Игнатьева на площадного дьяка Ивана Киприанова в присвоенном животе. 1614. 15 – 19. 06 // RA, NOA. Series II: 201; Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок) // RA, NOA. Series II: 47.

которое явилось ответом на коллективную челобитную⁴⁹. В документе представлена опись украденного – иконы, облачение, две книги Евангелия и т.п. В судебной документации приведены показания разных людей, а также, что представляется важным, сведения о предыдущих проступках обвиняемых, что соответствует нормам Судебника⁵⁰. Обвиняемые, в свою очередь, имели право на защиту: один из обвиняемых, караульный, которому следовало охранять церковь ночью, сказал, что не посмел спать в церкви в одиночку и не остался на ночь, поскольку его напарник не явился⁵¹. Показательно, что ввиду достаточности улики по этому делу никто не был обвинен, хотя украденного найти не удалось.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в период пребывания шведов в Новгороде никаких серьезных видоизменений новгородской судебно-процессуальной системы, а тем более случаев навязывания шведских судебно-административных традиций, не обнаруживается. Судопроизводство велось согласно общерусским законам и в отсутствие прецедентов допускало обращение к новгородскому правовому опыту времен «вечевой республики». В новгородской документации не удалось обнаружить никаких следов шведской судебной реформы 1614 г., хотя, скорее всего, именно шведы придали традиционной системе большую четкость, оперативность и объективность. Интересно отметить, что документальная фиксация поданных челобитных, существовавшая при шведах в Новгороде, на общерусском уровне будет утверждена лишь в 1648 г.⁵² В Новгороде начала XVII в. судебные дела разбирались в ходе тщательного расследования, доказывавшего вину ответчика, который мог быть освобожден от ответственности в случае ее недоказанности. Ход разбирательства тщательно документировался, что сводило к минимуму возможность злоупотреблений. Следствие и записи велись на русском языке должностными лицами русского происхождения, что не исключало внимания к судопроизводству шведских властей и самого Я. Деллагарди, который курировал судебные разбирательства. В отношении новгородцев к органам судопроизводства не обнаруживается враждебности, но, напротив, определенное стремление к сотрудничеству со шведской администрацией, что проявилось, например, в их активном участии в проведении опросов свидетелей и сборе улики. Это обстоятельство, как и отсутствие прецедентов, указывавших на неприятие новгородцами шведских порядков, дает нам основания утверждать об их лояльности в отношении административного режима, установленного в Новгороде Я. Деллагарди.

SWEDISH PRESENCE IN NOVGOROD: THE JUDICIAL SYSTEM AND LEGAL PROCEEDINGS TIMES JACOB DE LA GARDIE

E.M. KONCHAKOVA

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Research is devoted to the judicial system in Novgorod during the Swedish presence in the beginning of the XVII. Relying on documents Novgorod occupation archive, the author examines the issues relating to the national composition of the clerks of the hut, court management, efficiency of the judicial system and the relationship to her Novgorod. Data on the functioning of the judicial system in Novgorod the Great allow closer to solving the main problem - whether the regime established by the Swedes generally accepted concept of "occupation".

Key words: judicial system, the Time of Troubles, Jacob de la Gardie, Novgorod the Great, Novgorod occupation archive.

⁴⁹ Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. 1615, апрель // RA, NOA. Series II: 31.

⁵⁰ Судебник 1550 г., статья 52. С. 233.

⁵¹ Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. Л. 13.

⁵² Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI – XVII вв.). С. 35.